

БИКБОВ А. Т. ГРАММАТИКА ПОРЯДКА: ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ПОНЯТИЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ НАШУ РЕАЛЬНОСТЬ. М.: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ, 2014. 432 с.

КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ ИВАНОВ *

Современная история науки – это не просто перечисление выдающихся научных событий, будь то рождение плодотворной научной идеи, проведение тонкого научного эксперимента или появление научной организации (учебного заведения, академии, лаборатории), создающее пространство особого отношения к реальности – территорию опыта, пребывая в котором, мы обнаруживаем нечто новое как в окружающем нас мире, так и в самих себе. С тех пор как наука приобрела экспертные функции в управлении и организации (не важно, идет ли речь о людях, ландшафтах или природных ресурсах) и, более того, доказала свою коммерческую и политическую эффективность в широком спектре хозяйственных и военных инициатив, она стала не только объектом приложения индивидуального интереса, но и ареной демонстрации силы.

Как это часто бывает, присвоение внешних силовых функций ведет к видоизменению коллективов и обострению силовых противостояний внутри них самих. В книге Бикбова рассматривается именно эта – «сило-

вая» – компонента науки, которая используется им для выявления динамики организационных преобразований научных коллективов и стратегий их размещения в иерархии влиятельных государственных учреждений на фоне сначала советских, а затем первых постсоветских политических изменений. Рассуждение Бикбова строится вокруг модельной оппозиции централизованное управление / коллегиальность, поэтому особое внимание в нем уделяется традиции восприятия и применения в российском обществе демократических процедур.

Книга Бикбова – замечательный пример строгого социоисторического исследования понятий, употреблявшихся для самоидентификации советского режима, и их изменений (замещений) при переходе от советского общества к современной России. Поскольку выработка понятий невозможна без интеллектуального участия, особое внимание в книге уделяется формам интеграции академической экспертизы в государственное управление. Автор подробно рассматривает механизмы, посредством которых понятия, поставляемые экспертами в качестве первичного речевого материала для публичного политического высказывания, будучи многократно повторенными

* Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Россия, 117861, Москва, ул. Обручева, д.30а, корп. В. E-mail: konstantinivano@gmail.com

в публичном обороте, избавляются от следов исходного авторства и становятся общими понятиями в собственном смысле, «подобно популярному музыкальному мотиву»¹.

Работа предваряется подробным введением, в котором автор, опираясь на работы Дюркгейма, Мосса, Бенвениста, Бурдьё, Козеллека, Скиннера и некоторых других социологов, определяет метод исторической социологии понятий в отношении задач, которые он предполагает решить. В частности, он подчеркивает, что его будет интересовать не столько «историческая траектория лексем», сколько «место понятия в социальном порядке» – как данное понятие «работает» в актуальных социальных практиках и межпозиционной борьбе. В этом он методологически отмежевывается от Козеллека и Скиннера. Проблема социального контекста не является для него решающей. Выявить, какие понятия лучше «работают», и означает, с его точки зрения, дать ответ на вопрос, что есть ключевое историческое понятие в данный период. Материалом анализа являются в основном не широко известные и громкие литературные произведения, а рутинные академические публикации, ведомственная «серая» литература, оформление технических классификаторов – все, что фиксирует изменения в словаре официальной государственной речи. Само исследование имеет «своим дальним горизонтом» прояснение того, как понятия коллективного и анонимного авторства направляют практики; как при помощи понятий «создаются или разрушаются институты, укрепляются альянсы и

обостряются конфликты, совершается мобилизация социальных групп».

В первом разделе книги, названном «Генеалогия нового порядка», рассматривается генезис формирования в России понятия «средний класс», политическое признание которого, как проектного понятия для построения демократического общества, обозначило разрыв между советским и постсоветским периодом российской истории. Анализируя политэкономические работы российских авторов XIX – начала XX в., автор приходит к выводу, что понятие «“среднего класса” остается отчетливо *экстерриториальным*. Оно фиксирует опыт европейского мира и четко маркирует границу между ним и Россией». Дифференцируя ценности, приписываемые среднему классу западноевропейскими авторами, Бикбов выявляет различия между французской и английской позициями в восприятии этого понятия. Если во Франции сетовали на неразвитость среднего класса, поскольку видели в нем силу, способную сделать революцию менее кровопролитной, то в Великобритании обращали внимание на его способность противостоять тирании. В период холодной войны понятие «средний класс» интернационализируется и начинает напрямую ассоциироваться со стабильностью демократического правления.

Возвращенное в российский политический лексикон после 1991 г., понятие «средний класс» становится проектным и активно используется в программах, направленных на формирование гражданского общества, в том числе с привлечением международных организаций. Однако к концу 2000-х гг. это понятие теряет проектную связь с демократией. Европейские организации начинают видеть в

¹ Здесь и далее все завыченные слова, выражения и курсив принадлежат автору книги.

российском «среднем классе» сугубо экономическую категорию потребителей. Вместе с тем внутривнутриполитические дискуссии конца 1990-х – начала 2000-х гг. (в отличие от первой волны обсуждений непосредственно после 1991 г.) наделяют его крайне узкой политической чувствительностью и присваивают ему в качестве главной добродетели «роль счастливого реципиента государственных реформ», лишенного собственной политической инициативы. При этом «средний класс» остается в России «понятием-проектом». Его «место в категориальной сетке нового порядка зарезервировано и наделено ценностью, но пока не заполнено осязаемой и наглядной реальностью». Уличная активность 2011–2012 гг. дала повод СМИ (в том числе зарубежным) увидеть в демонстрантах представителей ожидаемого класса, однако проведенный автором анализ социологических интервью с участниками шествий показывает, что для них эта категория (равно как популярное в то время понятие «креативный класс») была слабо проявленной, непонятной и мало связанной с мобилизационной активностью.

Второй раздел книги под названием «Историческая социология советских понятий» посвящен рассмотрению категорий, применяемых для идентификации особенностей и преимуществ советского типа правления по сравнению с буржуазным или капиталистическим. В качестве опорных выбраны понятия «советский гуманизм», «всесторонне развитая личность» и «научно-технический прогресс (революция)». Используя многочисленные примеры, автор выявляет неоднородности в советском восприятии «гуманизма», отражающие сложные перипетии

напряженных политических противостояний внутри, казалось бы, идеологически монолитного СССР. Первичное послереволюционное понимание гуманизма как «священной ненависти» к враждебным классам и недружелюбному капиталистическому окружению, подлежащим уничтожению, сменяется в середине–конце 1970-х гг. полярно противоположными представлениями о борьбе за «мир во всем мире». В советскую политическую речь начинают входить ранее негативно коннотированные понятия, такие как «права человека», «личность» (стандартно замещающая ранний базовый советский термин «массы»), «человеческое достоинство». Это ведет к утрате абсолютного различия между капитализмом и социализмом, переводя борьбу двух режимов в плоскость соревновательного, а не милитаристского противостояния.

Перенос СССР в международную систему координат («догнать и перегнать развитые капиталистические страны») выдвигает задачу экономического, а не военного развития, решить которую предполагается, используя достижения «научно-технического прогресса». Так наука входит в число политически значимых категорий. Реформы конца 1950-х гг. приводят к окончательному объединению пространств государственной администрации и науки, превращая научную карьеру в разновидность бюрократической. Наука начинает претендовать на роль цивилизационного фактора, а научное управление обществом становится одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед советским руководством (превращение науки в «непосредственную производительную силу»). Автор подробно рассматривает, каким образом при-

знание собственной ценности науки, в том числе в области социального прогресса (согласно одной из риторических формул 1960-х гг., наука «не только изменила характер производственных процессов, но и оказывает все возрастающее влияние на совершенствование общественных отношений людей»), помещает в фокус гуманитарных исследований понятие «личность», поскольку «основным предметом состязания режимов, наряду с производством и обществом в целом, становится *индивид*».

Новая либеральная доктрина 1990-х гг. разрывает связь «научно-технического» с понятием национального величия и благосостояния. Перенос кризисной риторики на науку обнуляет ценность категории научно-технического прогресса, заменяя ее идеологически нейтральным «научно-техническим потенциалом». Наука уже не наделяется цивилизационной ролью, хотя основным агентом научного производства остается государство. Прежний государственный режим «научного управления обществом» трансформируется в новый режим «рыночной экономики», где научный сектор становится лишь одним из многих, причем дотируемых. Категория «наука» утрачивает универсальное политическое измерение и становится всего лишь одной из отраслей народного хозяйства. Это сопровождается появлением механизмов финансирования научных исследований на конкурсной основе, не отменяя, впрочем, окончательно базового государственного финансирования. В заключении второго раздела автор, привлекая известный тезис Бурдые о «двойной историоизации» (или объективировании самой объективации), говорит о необходимости «критического анализа структурных

предпосылок самого исследовательского взгляда на предмет исследования», чему и посвящается последний, третий, раздел книги – «Критическая (само)объективация социологических понятий», – в котором дается критическое описание институциональных и понятийных структур советской и российской социологии.

Прослеживая особенности институционализации социологии в СССР, Бикбов приходит к неутешительному выводу о том, что в силу исходного доктринального подчинения концепту «исторического материализма» советская социология не смогла произвести «*собственных теоретических делений*», которые соответствовали бы границам между западноевропейскими социологическими школами». Господствующие принципы и категории были напрямую заимствованы советскими социологами «из практик и правил действующего политического режима». Так, исследовательский социологический институт был создан десятилетием позже Советского социологического общества (возникновение которого было обусловлено, скорее всего, внешнеполитическими обстоятельствами – необходимостью представлять СССР на международных социологических конгрессах), поэтому административная структура дисциплины предполагала «крайне специфическую комбинацию административных и научных ресурсов [...] Наиболее известными и активными [...] социологами были не те, кто находился на максимальной дистанции от органов партийного руководства, а те, кто занимал в них [...] далеко не последние должности». Повторная институционализация дисциплины в конце 1980-х – начале 1990-х гг. не отменила примат административного. Руководители

перестроечных социологических учреждений Владимир Ядов и Геннадий Осипов достигли своих позиций в значительной степени благодаря активному участию в политических процессах. Таким образом, служебное подчинение административному интересу было вписано в структуру дисциплины уже в момент ее рождения, «когда теория и методология эмпирического исследования должны были согласовываться с “администрацией и общественностью”», потом продолжилось с конца 1980-х гг. в политическом оформлении социологического репертуара «в поддержку» государственных реформ или с их критикой и закрепились в действующей системе социологической экспертизы.

В последней главе третьего раздела, названной «Неколлегиальная дисциплина: эскиз политической микроистории российской социологии», автор дает схематичный набросок особенностей российской академической жизни в целом. Выбирая в качестве сравнения пример хорошо ему знакомой (в том числе по опыту непосредственного функционирования в ней) французской модели организации науки, он постулирует практически полное отсутствие в российской науке начал коллегияльного самоуправления. Если во Франции научные администраторы выбираются на ограниченный срок из корпуса преподавателей или исследователей и возвращаются в него после прекращения должностных полномочий, то в России «“администрация” – это изолированная и устойчивая *профессиональная* категория, представители которой выстраивают внутриинституциональные или политические карьеры, не зависящие от карьер специалистов в данной

области, и при исчезающем влиянии органов (само)представительства монопольно распоряжаются карьерами специалистов». Этот тип управления он называет «начальственным», или «должностным». События конца 1980-х – начала 1990-х гг. только усилили эту тенденцию, устранив альтернативные центры «надинституциональной микровласти» (в виде отделов науки и идеологии ЦК) и окончательно закрепив академическую власть за дирекцией академических учреждений. Это, впрочем, частично оправдывалось тем, что именно на дирекции институтов легла основная нагрузка по финансовому обеспечению вузов и исследовательских институтов после того как наука лишилась экспертных позиций в государственном аппарате. Возвращаясь к описанию «инволюции» собственно социологических исследовательских и образовательных центров, Бикбов утверждает, что со второй половины 1990-х – начала 2000-х гг. они возобновляют поиск государственного патронажа, «а значительный сектор исследований и публикаций предпрудительно адресуется к “власти”». Это выражается, в частности, в появлении изоляционистских, в пределе – националистических тенденций в отечественной социологии, таких как, например, «православная социология» на факультете социологии МГУ. Студенческие протесты 2007 г. имели шанс поменять ситуацию, однако отказ большинства социологов от активной позиции в конфликте и умеренно критические замечания и рекомендации Рабочей группы по изучению конфликта при Общественной палате РФ не позволили развернуть широкую профессиональную мобилизацию возникших было начал коллегияльности.

В заключительной части работы, названной «Вместо послесловия: подводя итоги академической дерегуляции», Бикбов предлагает свое видение бытующего сегодня представления об устройстве социального мира, которое поддерживается режимом академического управления, хотя не обязательно находит собственное «“теоретическое”», т. е. легитимное выражение в различных дисциплинах». По его мнению, следствием демонтажа надзорных идеологических инстанций в начале 1990-х гг. была не только политическая либерализация, но и институциональная дерегуляция академии, ослабившая прежние интеллектуальные иерархии и тесно связанные с ними критерии научности. Усиление зависимости «рядовых сотрудников» от руководства институций, наряду с девальвацией строгого академического знания в неконтролируемом потоке альтернативных негосударственных центров, претендующих на собственный моральный и интеллектуальный авторитет, создало иную академическую рациональность, которая редуцировала «саму способность участника академических взаимодействий к интерпретации социального мира в иных терминах, нежели отношения зависимости, превосходства и манипуляции». Именно поэтому участники самоуправляемых инициатив первым делом подозреваются в «подкупленности», «внешнем заказе», «рейдерстве», «политтехнологиях», как это было, например, в период студенческих волнений на

факультете социологии МГУ в 2007 г. Это располагает сотрудников академических институций к правой политической чувствительности и, в своих крайних проявлениях, – к «академическому расизму». Единственный эффективный способ борьбы с такой не самой привлекательной габитуальной предрасположенностью, по мнению автора, – это создание внутри академической структуры очагов коллегиального самоуправления. «Расистское высказывание, которое содержательно ассоциируется с режимом жесткости, иерархии и превосходства, на деле является всего лишь результатом *слабости научной саморегуляции*».

Безупречный по строгости и вместе с тем изящный стиль изложения, отличающий все работы Бикбова, широкое и высококвалифицированное использование методов эмпирической социологии, охватывающее в том числе интернет-источники (анализ частотности употребления понятий в СМИ, выявление их коннотативного обрамления и т. д.) – все это делает книгу профессионально полезной для исследователей, работающих в области истории и социологии науки. Ее полемическая острота, особенно в последних главах и «Послесловии», дает возможность усовершенствовать лексикон саморефлексии исследователя в сложном поле академических взаимодействий переходного советско-российского периода. Книга, безусловно, обогащает палитру современной российской историко-социологической литературы.